

ЛЕХАИМ - ежемесячный литературно-публицистический журнал и издательство.

Остатки еврейской школы в СССР в последние предвоенные годы

Борис Котлерман

Еврейская советская школа, преподавание в которой велось на идише, фактически была ликвидирована властями к 1939 году. Однако в Еврейской автономной области такие школы продолжили свое существование на одно десятилетие больше. В мае 1941 года, накануне вторжения гитлеровских войск на территорию СССР, местные власти провели ревизию еврейских школ автономии. Не исключено, что эта ревизия была частью подготовки к новому повороту в еврейской политике центральной власти, связанному с аннексией «западных территорий» (Восточная Польша, Балтийские республики, Буковина и Молдавия). Проживавшему на этих территориях значительному еврейскому населению, не прошедшему процесс советизации и сохранившему прочную связь со своим национальным наследием, в случае переселения на Дальний Восток еврейские школы несомненно бы понадобились.

Педагогический техникум в Биробиджане. 1934 год

Историю государственных еврейских школ в СССР, не включая присоединенные в 1939–40 годах «западные территории», принято делить на несколько основных периодов:

1917–1923 – период хаоса и независимых общественных инициатив;

1926–1931 – период расцвета, постоянного численного роста и внутреннего экспериментаторства;

1931–1936 – период постепенного численного упадка и установления тотального государственного контроля;

1936–1939 – период ускоренного упадка.

Относительно первых трех периодов существует довольно обширная литература, подробно затрагивающая самые разнообразные аспекты: секуляризация и советизация еврейской школы, педагогические искания, национальные особенности, манера преподавания различных предметов, состав хрестоматий, язык и др.[1]. Последний период обычно описан несколько скомканно, поскольку он не нашел широкого отражения в прессе и советской статистике конца 30-х годов[2], а два предвоенных года, 1939–1941, вообще не обсуждались в научной литературе.

Согласно опубликованным документам, еврейские школы в Белоруссии были закрыты в 1938–1939 годах, в рамках ликвидации учебных институций всех национальных меньшинств республики. Насколько сегодня известно, подобного решения на Украине и в России на республиканском уровне не принималось. Видимо, в этом вопросе предоставлялась определенная свобода локальным инициативам. Так, последняя еврейская школа в Ленинграде была реорганизована в результате постановления Ленинградского обкома ВКП(б) от 20 декабря 1937 года «О национальных школах и других культурно-просветительных учреждениях» вместе с финскими, эстонскими, немецкими, польскими, латышскими, английскими, ассирийскими (sic!) и другими учебными заведениями.

На этом фоне определенный интерес представляет стремление официальных инстанций Еврейской автономной области сохранить школу на идише. Вопрос об этом – несмотря на атмосферу общего развала сети еврейского образования в стране – был вынесен накануне 1939/1940 учебного года на особое обсуждение в президиуме облисполкома. Среди прочего, на этом обсуждении прозвучали жалобы на острую нехватку еврейских учебников и на то, что «областной отдел народного образования, а также городской и районные отделы и школы за все время подготовки к новому учебному году почти не вели работы с родителями. В результате плохо проходит прием в еврейские школы»[3]. Под «работой с родителями» здесь подразумевается агитация за направление еврейских детей именно в идишеязычные школы: забытая еще в начале 30-х годов в европейской части СССР, эта деятельность еще вменялась в обязанность бибиджанским инстанциям. Более того, в преддверии того же учебного года в административном центре автономии открылась еврейская вечерняя школа для взрослых с 4-го по 8-й класс[4]. Помимо этого, директор местного педагогического училища (техникума)

сообщал о запланированном приеме 35 новых студентов (из 105) на еврейское отделение.

В 1939 году Совет Министров РСФСР принял решение о реорганизации в пединституты 48 педучилищ республики, включая Биробиджанское. Из-за нехватки учебных корпусов, общежития, отсутствия необходимых лабораторий и квалифицированных преподавателей республиканский Наркомпрос решил отложить открытие первого вуза в Биробиджане до следующего года[5]. К тому времени еврейское высшее образование в СССР было уже полностью свернуто: летом 1938 года был выпущен последний набор еврейского отделения Одесского пединститута, причем из 30 выпускников только трое были направлены в еврейские школы[6], а в 1939 году было закрыто и еврейское отделение Московского пединститута[7]. Решение Совмина РСФСР могло продлить существование еврейско-советской высшей школы, однако в 1940 году Биробиджанское педучилище было неожиданно административно объединено с педучилищем Хабаровска. Между тем набор на еврейское отделение, единственное оставшееся в стране, не прекращался; абитуриенты, помимо обычных экзаменов, должны были сдать письменные и устные экзамены по еврейскому языку. Открытие же пединститута было перепланировано на «третью пятилетку» – видимо, к концу 1942 года[8].

Главный методист областного отдела народного образования Бени Капилевич[9] открыто определял состояние системы еврейского образования в автономии как хаос, отсутствие контроля и растерянность. По его словам, уже 1938/39 учебный год прошел ненормально: учителя идиша и еврейской литературы, а также русского языка для еврейских школ работали без учебных программ и учебников по этим предметам. Развал еврейского образования в стране действительно оставил Биробиджан без какой-либо методической поддержки. Однако Капилевич сознательно игнорирует общеполитический контекст биробиджанских проблем. Он возмущается отсутствием в облоно хотя бы одного инспектора по вопросам еврейской школы, ссылаясь на распоряжение Наркомпроса РСФСР от 11 марта 1939 года, обязавшее все областные отделы народного образования утвердить штатных инструкторов для национальных школ. К тому же, по его словам, составленные на Украине (видимо, Киевским кабинетом еврейской литературы, языка и фольклора) в 1938 году учебники по еврейскому языку, не дошедшие до автономии в нужном количестве, расходятся с распоряжениями Наркомпроса РСФСР, в частности, в методике преподавания грамматики. Допуская временную возможность работы по этим учебникам и программам, Капилевич формулирует свой основной вывод: вопросы еврейской школы в существующей ситуации могут решаться только в Еврейской автономной области[10].

Пытаясь обосновать необходимость создания в Биробиджане независимой базы для еврейского образования, он призвал открыть педагогическую секцию при областной научной комиссии, созданной еще в 1935 году первым председателем облисполкома ЕАО Иосифом Либербергом. Парадоксальным образом, областные власти сразу же откликнулись на этот призыв: при почти замороженной комиссии [11] в том же году была утверждена педагогико-методическая секция под руководством самого Капилевича. Секция была призвана разрабатывать учебно-методические пособия, включая методику преподавания русского языка в еврейской школе, учебники, школьные словари и т. п. Результатом ее деятельности, среди прочего, стали учебные программы по преподаванию идиша для 1–10 классов, учебники русского языка для 2–4 классов, а также выпущенный в Москве в 1941 году Русско-еврейский словарь для начальной школы. Последний был подготовлен Капилевичем, но вышел под редакцией Э. Фальковича – поскольку в декабре 1940 года Капилевич был арестован, что и положило конец работе секции.

Пионеры ЕАО. 1930-е годы

Что, собственно, представляла собой «еврейская школа» в Биробиджане в последние предвоенные годы? Как и раньше, основным еврейским компонентом в ней было преподавание собственно еврейского языка и литературы. Преподавание остальных предметов все еще велось на идише, однако тенденция постепенного перехода на русский язык набирала силу. Для учащихся средних и старших классов это, судя по всему, проблемы уже не представляло, относительно же 1–4 классов Капилевич упоминает некие изданные на Украине специальные учебники на русском языке для еврейской начальной школы. Скорее всего, речь идет об адаптированных текстах. В отношении непосредственного преподавания оставшихся еврейских дисциплин характерно свидетельство учителя еврейской средней школы поселка Амурзет Раппопорта, во весь голос обвинившего областные организации в халатном отношении к официальному языку автономии. По его словам, на выпускные экзамены по языку идиш для 7-х и 10-х классов за 1938/1939 учебный год облоно прислало диктанты по произведениям Давида Бергельсона... с многочисленными орфографическими и синтаксическими ошибками. Областные и краевые школьные инспекторы игнорируют уроки

еврейских дисциплин, ссылаясь на незнание языка. Кроме того, до Амурзета так и не дошли выпущенные на Украине учебники по морфологии и синтаксису. Раппопорт также обращает внимание на плачевное состояние еврейского фонда библиотек и книгопродажи, что существенно затрудняет работу с учениками[12].

Скорее всего, учебников по еврейской литературе на тот период не существовало вообще, поскольку Раппопорт потребовал от облоно подготовить список обязательных произведений литературы. К началу нового, 1940/41 учебного года проблема эта была частично разрешена: управление школ Наркомпроса УССР выпустило в госиздательстве для национальных меньшинств учебные программы по преподаванию еврейской литературы для 5–7-х и 8–10-х классов – видимо, не столько для нужд Биробиджана, сколько в целях ускоренной советизации еврейских школ «западных территорий».

Содержание этих программ представляет особый интерес в свете дискуссии о еврейском характере советских школ на идише. Изучение еврейской литературы было разделено на два уровня. Первый, предназначенный для 5–7 классов, представлял собой подборку сокращенных произведений еврейских классиков и советских еврейских писателей: «Два товарища» Лейба Квитко и «Мальчик Мотл» Шолом-Алейхема (для 5 класса), «Волшебный перстень» Менделе Мойхер-Сфорима, «У чужого подвенечного платья» и «Пост» Ицхока-Лейбуша Переца и «Миллионы» Шолом-Алейхема (6 класс), «Зямка Копач – Хлопчик» М. Даниэля, «Биробиджанцы» Давида Бергельсона и «Степь зовет» Нотэ Лурье (7 класс).

Тем же ученикам, которые продолжали учебу до 10 класса, предстояло пройти совершенно новый систематический литературно-исторический курс, вполне соответствующий сегодняшним университетским программам по изучению идиш-культуры. Следует заметить, что этот курс во многом опирался на разработки репрессированных к тому времени литературоведов Макса Эрика и Израиля Цинберга, а также на исследования Нахума Штифа, Меира Винера, Нахума Ойслендера, Ихезкеля Добрушина, Ицхака Нусинова и др. Чрезвычайно насыщенный, курс предполагал знакомство с ранней эпикой на средневековом идише, в частности с популярным в среде ашкеназского еврейства переводным романом р. Элияу Бахура (Левиты) «Книга Бовы» начала XVI века – одним из первых светских произведений еврейской литературы[13]. Кроме того, новая программа предполагала ознакомление с поэтическим пересказом библейской книги пророка Самуила «Книга Шмуэля»; со средневековым театром на идише (8 класс); с просветительской литературой, включавшей произведения Израиля Аксенфельда и Шлойме Этингера, затем Шолом-Алейхема, Переца, Менделе и дореволюционного Бергельсона (9 класс); и, наконец, с советской еврейской литературой вплоть до последнего к тому времени романа

Бергельсона «У Днепра» (10 класс). Эта программа совершенно игнорировала несоветских еврейских литераторов, однако все же демонстрировала некоторую открытость. Так, для дискуссий на уроках предлагались следующие темы: «Мотивы руссоизма у Менделе», «Интеллектуализм у Переца», «Шолом-Алейхем и русская и западно-европейская литература» и т. п. [14].

26 мая 1941 года, менее чем за месяц до вступления СССР в войну с Германией, в бюро обкома партии ЕАО была направлена докладная записка заведующего областным отделом народного образования Кантора, в которой исчерпывающим образом было отражено состояние еврейской школы в Биробиджане с 1938/1939 учебного года по конец 1940/1941 учебного года [15].

Согласно записке, в области за эти три года наблюдалось явное сокращение еврейского образования. За один год, с 1938/1939 по 1939/1940 учебный год, количество еврейских школ в автономии сократилось с 21 (из которых 10 функционировали полностью на идише, а 11 имели параллельные классы на русском) до 15, причем школ исключительно на идише больше не существовало, если не считать начальной школы в колхозе им. Кирова (Сталинский район) с шестью учениками. К следующему, 1940/1941 учебному году число еврейских школ сократилось уже до семи, где 692 ученика обучались в 54 классах, средняя наполняемость которых была 12,8 человек.

Докладная записка Кантора выдает определенное нежелание руководителей автономии активно заниматься национальными проблемами. Наученные горьким опытом репрессированных предшественников, они предпочитали решать их на более низких уровнях власти. Последние же оказались в чрезвычайно сложной ситуации: отсутствие реальной помощи и, видимо, идеологической поддержки со стороны партийных и профсоюзных инстанций, нехватка учебников и квалифицированных учителей-предметников сводили на нет все еще осуществлявшуюся по инерции работу по привлечению учеников в еврейскую школу. Косвенно на это указывает и жалоба Кантора на не соответствующий запросам низкий статус местного педучилища: его еврейское отделение готовило лишь учителей начальных классов, а не предметников, нехватка которых усилилась с ликвидацией еврейских вузов в европейской части страны. Не исключено, что, поднимая эту тему, Кантор напоминал властям о нереализованном решении Наркомпроса РСФСР о превращении училища в пединститут. Выясняется и то, что планы Капилевича по созданию независимой методической базы не были реализованы: несмотря на подготовку местными силами учебников по русскому языку для 2–4 классов, заказы на учебники на идише по-прежнему направлялись в Киев.

Однако помимо слабой поддержки властей, падения престижа еврейского образования вообще и тотального отсутствия перспективы продолжения учебы на идише в вузах, сокращение школ на идише в ЕАО отражает важные демографические изменения в автономии – прекращение притока новых переселенцев, угасание переселенческих колхозов и сокращение еврейского населения в сельской местности. Так, еврейская средняя школа в поселке Биракан насчитывала в 1939/1940 году 13 учащихся, а в Соцгородке, населенном прежде в основном иностранными переселенцами, к 1938 году уехавшими или репрессированными, осталось всего четверо учеников. В колхозе «Заря» (в районе Облучья) в трех начальных классах училось всего шестеро детей, а в неполной средней школе поселка Кимкан – семеро. В переселенческом колхозе им. 18-го съезда партии (Смидовичский район) в 1940/1941 учебном году на идише обучалось 20 детей с 1-го по 7-й класс, причем 5-й класс не открылся вообще. К 1940/41 учебному году подобные неукомплектованные школы были закрыты, а ученики переведены в ближайшие учебные заведения.

Несколько лучше ситуация обстояла в крупных поселках и в г. Биробиджане. Так, в средней школе Амурзета на идише обучалось 69 детей (с 1-го по 10-й класс). В Валдгейме на идише училось 90 детей: 54 в начальных классах (по 8–19 человек на класс) и 36 – в 5–7 классах (по 11–13 человек). То есть и здесь остро ощущалась проблема наполняемости классов, усиливавшаяся нежеланием родителей записывать детей в классы с обучением на идише. Лучшее всего дела обстояли в школе № 2 г. Биробиджана, новое здание которой открылось за год до войны, приняв и учащихся еврейских (идиш) классов 1-й и 8-й школ города. Из 458 учеников 207 учились в 1–4 классах, 193 – в 5–7 классах и 58 – в 8–10 классах. Как уже было сказано, в связи с нехваткой учителей-предметников часть дисциплин преподавалась на русском языке.

Биробиджан. Еврейская средняя школа № 2.

1940-е годы

Вместе с тем общий тон докладной записки Кантора говорит о четкой ориентации на продолжение существования еврейской школы в ЕАО. То, что в этом документе представлен отчет сразу за три учебных года, указывает на практическое отсутствие контроля «сверху» в течение этих лет. Нет сомнения, что для предоставления бюро обкома отдельного отчета о национальных школах, состояние которых начиная с 1939 года скрывалось за общей статистикой, имелись веские основания. Что же заставило власти ЕАО заинтересоваться еврейским образованием именно в конце 1940/1941 учебного года?

За год до этого, в середине 1940 года, Биробиджан посетила специальная комиссия Госплана СССР и Всесоюзного переселенческого комитета (Всепереселенком), обсудившая с местными и краевыми властями ряд чрезвычайно важных вопросов. Речь шла и о перспективах трудоустройства в сельском хозяйстве и на промышленных предприятиях области до конца 1942 года не менее 45 тыс. переселенцев^[16]. 28 февраля 1941 года, во время 8-й сессии Верховного Совета СССР, в выступлении первого секретаря обкома партии ЕАО Гирша Сухарева на заседании Совета национальностей этот план уже упоминался открыто. Сухарев сообщил о плане переселения в Биробиджан десятков тысяч «западных» евреев, для которых, по его словам, необходимо было создать определенную инфраструктуру^[17]. 5 мая 1941 года Хабаровский крайком партии и крайисполком приняли совместное решение «О мероприятиях по хозяйственному и культурному строительству в Еврейской автономной области»^[18], которое было направлено на

утверждение в ЦК ВКП(б) и в СНК СССР. Предыдущие подобные решения, также носящие ни о чем не говорящие формальные названия, всегда предваряли коренные перемены в Биробиджане (например, постановление Президиума ЦИК СССР от 29 августа 1936 года «О советском, хозяйственном и культурном строительстве Еврейской автономной области», целью которого было превращение автономии в «центр советской национальной еврейской культуры»). Не исключено, что и нынешнее решение было призвано подготовить почву для массового переселения. Судя по всему, в этом контексте и следует рассматривать подробное описание состояния национальных школ в автономии, призванных принять детей «западных» переселенцев, в большинстве своем не владеющих русским языком. Разразившаяся война с нацистской Германией помешала осуществлению этих планов. Решение краевых властей не было утверждено, а еврейская автономия была объявлена военной зоной в связи с близостью к границе с японской Маньчжурией. Несмотря на десятки тысяч еврейских беженцев, двигавшихся на восток, массовое переселение в ЕАО было прекращено вплоть до 1946 года.

[1] См.: Марк Ю. Еврейская школа в Советском Союзе // Книга о русском еврействе, 1917–1967. Иерусалим; М.; Минск, 2002. С. 249; Schulman E. A History of Jewish Education in the Soviet Union, N. Y.; Waltham, Massachusetts, 1971 и др.

[2] См., например: Лещинский И. Дос советише иднтум. Нью-Йорк, 1941. С. 342.

[3] Инем президиум фун гегнттойсфирком // Биробиджанер штерн, 21.08.39.

[4] См. объявление в Биробиджанер штерн, 29.07.39.

[5] Вадатинский М. Ди педагогише шул цум найемлернйор // Биробиджанер штерн, 22.08.39.

[6] Schulman E. A History of Jewish Education in the Soviet Union. N. Y.; Waltham, Massachusetts, 1971. P. 156.

[7] См., например: Гринбаум А. Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе, 1918–1953. М.–Иерусалим, 1994. С. 71, *passim*.

[8] Сухарев Г.Н. Зекс йор идише автономе гегнт // Дер штерн, 06.05.40. Пединститут в Биробиджане открылся лишь в 1989 году.

[9] Капилевич [Копелиович] Бендет (1891–1941?) – педагог, лингвист. В 1908-м поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе. После 1917 года был учителем в еврейских школах и детских домах, позже учился на еврейском отделении филфака Минского университета. В Биробиджане с 1932 года, участвовал в строительстве педучилища, где затем преподавал идиш. Занимался проблемой унификации еврейских диалектов. Автор учебника «Русиш ин дер идишер шул», М., 1935. Арестован в декабре 1940 года и, по всей видимости, умер в тюрьме.

[10] Капилевич Б. Ди идише шул цум найем йор // Биробиджанер штерн, 24.08.39.

[11] Научно-исследовательская комиссия по изучению еврейской культуры была создана 09.04.35 при Биробиджанском облисполкоме. 07.06.36 при комиссии было организовано консультативное бюро по еврейскому языку – для подготовки несостоявшейся Всесоюзной конференции по языку идиш. 14.02.39 она была переведена в подчинение областной плановой комиссии (что означало резкое понижение статуса), и из ее названия исчезли слова «по изучению еврейской культуры».

[12] Рапопорт Р. Ди мутер шпрах – а штифкинд ба ди билдунгс-органен фун дер гегнт // Биробиджанер штерн, 23.06.39.

[13] Речь идет о переводе (с тосканского) средневекового английского рыцарского романа «Bevis of South-Hampton», русский вариант которого – «Бова-королевич» – широко известен.

[14] Г.И. Пррграмен фун идишер литератур фарн 5–7 клас ун фарн 8–10 клас // Октябрь, 28.07.40.

[15] Записка хранится в Госархиве ЕАО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 148. С. 38–40. См. ее полный текст: Kotlerman B. Yiddish Schools in Birobidzhan, 1939–1941 // Jews in Eastern Europe. 2002. № 3(49). P. 109–120.

[16] Пресман А. Перспективн фун дер бойунг фун дер идишер автономер гегнт // Октябрь, 24.07.40.

[17] Редe фунем депутат Сухарев // Биробиджанер штерн, 07.03.41. Советская пресса точную цифру предполагаемых переселенцев не дала. Другие источники (Браун С. 40 тойзнт идише фамилес велн базецт верн ин Биро-Биджан // Моргн-фрайхайд, 19.03.41; Новик П. Драйцн йор Биро-Биджан // Моргн-фрайхайд, 04.04.41) сообщали о 30–40 тыс. семей, или около 200 тыс. человек, что приближалось к количеству еврейских беженцев в СССР из оккупированной Германией Польши. Поскольку Всепереселенком оговаривал трудоустройство 45 тыс. человек, то вместе с членами семей количество переселенцев вполне могло достичь таких масштабов.

[\[18\]](#) Вайсерман Д. Биробиджан: мечты и трагедия. Хабаровск, 1999. С. 99.